

Иванов Андрей Анатольевич

СОВЕТСКОЕ ДИССИДЕНТСТВО: ИЛЛЮЗИЯ КОММУНИКАЦИИ С ВЛАСТЬЮ

В статье правозащитное движение в СССР представлено как диалог с властью в ситуации, когда оппонент отрицает возможность диалога. Возникновение диссидентских практик связывается с формированием в кругах советской интеллигенции внутригрупповых "матриц идентичности", обеспечивающих дистанцирование от власти и семиотический обмен "жертвами" как способ коммуникации с нею. Демонстрируется тождественность принципов правозащитной деятельности принципам эстетического инакомыслия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 58-61. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Кривоногов В. П.** Хакасы: этнические процессы во II пол. XX века. Абакан: ТОО «Центавр», 1997. 144 с.
7. **Кышпанакоев В. А.** Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1989. 186 с.
8. **Кышпанакоев В. А.** Население Хакасии: 1917-1990-е годы. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. 348 с.
9. **Мамышев В. М.** Современная хакасская сельская семья: социологический анализ // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. С. 181-185.
10. **Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ).** Ф. 21. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.
11. **Там же.** Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 241. Л. 2.
12. **Там же.** Д. 200. Л. 10.
13. **Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет.** Абакан: Хакасстат, 1990. 100 с.

URBAN POPULATION NATIONAL COMPOSITION IN THE SOUTH OF THE KRASNOYARSK TERRITORY IN THE 1970S-1980S

Elena Evgen'evna Ivandaeva
Department of Russian History
Khakass State University named after N. F. Katanov
ivandaevaee@mail.ru

In the article the peculiarities of the ethnic structure formation in the south of the Krasnoyarsk Territory in the second half of the XXth century are considered, when ethnic structure radical changes took place in the region under the conditions of urbanization transition. Special attention is paid to the analysis and comparison of the changes in the national composition of the Left-Bank and Right-Bank parts of the south of the Territory and to the comparison of the Khakass and Russian urban population quantity dynamics.

Key words and phrases: poly-ethnic; national composition; urbanization; migration; natural increase; native population.

УДК 008(091)

В статье правозащитное движение в СССР представлено как диалог с властью в ситуации, когда оппонент отрицает возможность диалога. Возникновение диссидентских практик связывается с формированием в кругах советской интеллигенции внутригрупповых «матриц идентичности», обеспечивающих дистанцирование от власти и семиотический обмен «жертвами» как способ коммуникации с ней. Демонстрируется тождественность принципов правозащитной деятельности принципам эстетического инакомыслия.

Ключевые слова и фразы: диссидент; власть; интеллигенция; внутригрупповая консолидация; правозащитное движение; художественный андеграунд.

Андрей Анатольевич Иванов, кандидат культурологии
Кафедра строительства и архитектуры
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
larsandr@mail.ru

СОВЕТСКОЕ ДИССИДЕНТСТВО: ИЛЛЮЗИЯ КОММУНИКАЦИИ С ВЛАСТЬЮ[®]

«Попытки диалога с властью - то есть попытки власть в чем-то «убедить» своим поступком, письмом или речью - почти никто, я думаю, не избежал... По существу, этот «диалог» есть монолог, который в какой-то момент прерывается кляпом в рот, но, может быть, все-таки прав был священник со своей христианской готовностью подставить вторую щеку? Если мы не убедим власть выслушать «нас» в очень широком смысле слова, если мы упорно не будем протягивать им руку, которую они кусают, то рано или поздно все разрешимые еще проблемы «решатся» через море крови» [2, с. 47]. Это высказывание известного правозащитника Андрея Амальрика из его мемуаров «Записки диссидента».

Функциональная роль советского правозащитного движения трудно поддается определению с точки зрения практического социального эффекта. Политический режим в результате правозащитных акций не менялся, единственная реакция, которой следовало ожидать, - ответные репрессивные меры со стороны власти: увольнение с работы, исключение из партии, травля, помещение в психиатрическую лечебницу, тюремное заключение, ссылка, высылка из страны. Что заставляло эту немногочисленную группу людей гласно заявлять о себе и направлять на себя действие репрессивных механизмов советского государства? Исходя из очевидных результатов правозащитной деятельности, вряд ли можно говорить о каком-либо прагматическом интересе. Речь, скорее, идет об особой системе мотивации - смысловых комплексах и ценностях, в рамках которых диссидентское поведение для определенного круга лиц стало единственной и неизбежной практической формой.

Приведенное высказывание А. Амальрика - пример артикуляции того смыслового комплекса, который определял диссидентские практики. Точнее, сама артикуляция смыслов и являлась основной формой этих практик,

представлявшей собой текстоцентричную модель взаимодействия с властью: петиции, коллективные письма, «последние слова» на судебных заседаниях, обращенные к властным инстанциям и одновременно распространявшиеся в самиздате. Даже «молчаливая» демонстрация на Красной площади 25 августа 1968 года против вторжения советских войск в Чехословакию тоже была словом - на плакатах, которые держали семь(!) демонстрантов, было написано: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «За вашу и нашу свободу».

Сам термин «диссиденты» (с латинского «сидящие отдельно»), изначально употреблявшийся в средневековом церковном языке для обозначения еретических сект, подразумевает апофатическое самоопределение относительно оппонента дискуссии (видимо, «сидящих вместе»). Основным оппонентом и адресатом диссидентского слова, как отмечает А. Амальрик, была власть.

Первоначально коммуникация с властью действительно преследовала цель убеждения - с помощью речевого воздействия произвести сдвиг в системе ценностей реципиента, а соответственно, в его поведении. Либерально настроенная советская интеллигенция, воспринявшая антисталинский пафос XX съезда, действительно верила в искреннее стремление власти к обновлению и готовность вести диалог. Как писал в 1964 году М. Михайлов, «...недовольство половинчатой ликвидацией сталинщины - всеобщее, но все глубоко уверены, что борьба со сталинщиной только началась, и настроены в отношении исхода этой борьбы оптимистически» [1, с. 23].

Убеждение власти - это своего рода попытка советского интеллектуального сообщества найти Себя в Другом - интеллигента во власти, что свидетельствует о двустороннем процессе, происходившем в советском обществе в период «оттепели». С одной стороны, инспирированные XX съездом общественные процессы «десталинизации» создают иллюзию единства устремлений власти и либеральной интеллигенции. С другой, советское образованное сообщество начинает репрезентировать себя как самостоятельного участника социальной коммуникации - другое «Я», отличное от «Я» власти. Иными словами, с наступлением эпохи «оттепели», в условиях ослабления репрессий и тотального контроля, в среде образованного сообщества активизируется процесс внутригрупповой консолидации посредством выработки моделей идентификации, в определенной степени конкурирующих с моделями, легитимированными властью, и языка, нарушающего монологическую речь последней.

Этому способствовало, в частности, некоторое освобождение сферы частной жизни и неофициального общения от государственного контроля и идеологии, в результате чего интеллектуальный слой, в официальной культуре ограниченный единственно легитимной ролью «добросовестного спеца» и «приводного ремня» идеологии, в сфере частного общения осваивает альтернативные формы самоопределения и поведения. Л. Д. Гудков и Б. В. Дубин выделили ряд типовых поведенческих ролей, демонстрирующих внутригрупповую общность и формы неофициального лидерства и почитания: Учитель, Свидетель, Мэтр, Объясняющий, Знаток (искусствовед). Характеризуя значение этих фигур в образованном сообществе, авторы отмечают, что «речь идет именно о центрах интеллигентской культуры, ее держателях, несущих конструкции всей культурной системы...» [5, с. 174].

Другим каналом консолидации образованного сообщества и одновременно репрезентации себя в социальном пространстве становится поле литературы - сперва официальной (свидетельство чему деятельность журнала «Новый мир», «реабилитация» произведений некоторых запрещенных авторов, издание Тыняновских сборников и т.д.), затем неофициальной (самиздат). В сфере подцензурной литературы интеллектуальный слой предпринимает попытки критики власти на допустимом властью языке. Доминирующей нормой становится «эзопов язык», задающий тексту некоторый потенциал «проходимости» через цензуру к читателю, призванному раскрыть тайный смысл иератического письма и тем самым пережить «чувство победы» над властью.

Миросозерцание «шестидесятников» можно определить как романтическую утопию обновления режима и социальной трансформации, возможных в том случае, если власть вступит в диалог с интеллигенцией как с равноправным, самостоятельным участником социального процесса. Когда становится ясно, что власть не приемлет иных голосов в своем культурном монолите и лишь делает вид, что верит в свои же слова, инкомыслие шестидесятников обнаруживает два пути своей трансформации: либо эмиграция (внешняя или внутренняя - уход в частную жизнь), либо открытое противостояние - диссидентство. Этот переход сравнительно небольшой группы в «диссент» стал возможен благодаря сформировавшемуся в культуре шестидесятников комплексу представлений, внутригрупповых норм и поведенческих моделей, реализовывавших неофициальные формы идентификации. Этот коллективный смысловой комплекс, по нашему мнению, воссоздавал «старорусский» миф об интеллигенте как носителе особых нравственных качеств и общечеловеческих ценностей, ведущем напряженный диалог с государственной властью о путях развития страны. Часть указанной социальной среды принимает соответствующую мифологическую модель «нравственного сопротивления» и трансформируется в правозащитное диссидентское движение.

Утверждая себя в качестве «людей, разбуженных совестью», согласовывающих окружающую действительность с идеалами прав и свобод личности, диссидентское сообщество формируется на основе единого информационного поля, образованного сферой циркуляции самиздата. Эта достаточно немногочисленная среда воспринимается самими ее представителями как «очаг» свободного слова, противопоставленный общей «системе лжи». Именно в среде циркуляции самиздата осуществляются первые попытки реализации форм общественной жизни, независимых от негласно предписанных норм поведения советского человека и инициирующих ситуацию правового общества. В. Буковский объясняет подобную стратегию следующим образом: «Идея практически состояла в том, чтобы не признавать реальности, а - подобно шизофреникам - жить в воображаемом мире, в том мире, который мы желали бы видеть...» [4, с. 181]. Реализация поведенческих моделей, характерных для декларируемого идеала социального устройства, - это своего рода символическое преобразование социальной реальности «в умах» и в личностных поступках, воплощение проекта «гражданского общества» в узком кругу людей, призванных стать провозвестниками «нового царства».

Диалог с властью в поляризованной интеллигентским мифом картине социального пространства предстает как общение с олицетворяющим враждебный хаос хтоническим существом, включающее его в акт коммуникации, свойственный естественному, «космическому» порядку. Этот механизм и осветил А. Амальрик в вышеизложенном отрывке: упорно протягивать руку зверю, чтобы «изменить» его, предотвратить грозящее «море крови». Это определенное подчинение власти иной системе отношений, обучение ее иному языку требует, в свою очередь, соответствующей жертвы - «подставить вторую щеку», отдать руку в пасть адресату - то есть ответной реплики оппонента, выдержанной в духе его природы.

Другой текст, если вырвать его из контекста, как будто и не имеет никакого отношения к феномену диссидентства: «культура, взятая с творческой, порождающей, а не просто репродуцирующей стороны, как способность человека мысленно экспериментировать, воображать еще не существующее или даже не могущее существовать, видеть во всем наличном материал для изменения и тем самым менять прежде всего самого себя, становясь подлинным историческим субъектом, - такая культурная культура, конечно, отмечена высоким трагизмом». Это цитата из статьи Л. М. Баткина «Неуютность культуры», написанной им специально для публикации в альманахе «МетрОполь» [3, с. 334].

В «Неуютности культуры», если кратко (и вульгарно) изложить основной контент статьи, автор предлагает выделять два исторических типа культуры - «репродуцирующий» и «порождающий». В культуре первого типа доминирует функция стабилизации и репродуцирования семиотической системы и того, что может быть высказано в пределах наличной логики. Это культура, воспроизводящая себя и не признающая возможности существования другого и, соответственно, возможности диалога. Подобный тип автор называет «цивилизацией».

Культура «порождающего» типа - это такая семиотическая система, «в которой на первый план выступает особая функция самообновления» [Там же, с. 337]. Это парадоксальная культура, или семиотическая система в лотмановском смысле, возникающая на границе между (как минимум) двумя языками и разворачивающаяся в диалоге, в стремлении выйти за собственные пределы. Для Баткина это культура «в тесном смысле слова» («культурная культура»), и она, по мнению автора, является открытием Нового времени и, в особенности, XX века.

Если обратиться к социокультурному контексту, в котором появилась данная статья, то культурологическая концепция автора вполне укладывается в фокус общественно-литературной борьбы в СССР конца 1970-х годов - борьбы основных группировок внутри советской литературы: модернистов-либералов и русских националистов («деревенщиков»). Авторы «МетрОполя» определенно можно отнести к модернистам. Манифестация творческой, диалогичной культуры как «истинной» в восприятии читателей того времени - вполне явное оправдание модернизма в литературе, следовательно, соседей по сборнику. Определение репродуцирующей культуры как «выпавшей в осадок, остановленной и приспособленной» - столь же явный камень в огород «деревенщиков».

Противопоставление двух типов культур также проецируется на более широкий контекст общественной ситуации в СССР во второй половине XX века. Это противостояние культур официальной и неофициальной. С одной стороны - жесткий идеологический контроль над культурой и, как следствие, зона наименьшего разнообразия при астрономических тиражах. С другой - растущий по объему и разнообразию корпус текстов, художественных практик, институций, осуществляемых независимо, «под глыбами», но как будто бы этих глыб не замечая. Авторы «МетрОполя», члены Союза писателей, открыто и коллективно попытались сделать свою собственную литературу, рассчитанную на мнение и помощь западной аудитории и «тамиздат». Тем самым вступили на поле нелегитимных, диссидентских практик.

Собственно вся диссидентская, в том числе правозащитная, активность в СССР началась с эстетического и этического неприятия идеологического контроля над культурой. «Диссидентству от права», как отмечает А. Ю. Даниэль, предшествовало «диссидентство от культуры» [7], в основе которого - вращиваемое творческой интеллигенцией в рамках неофициальных форм групповой консолидации игнорирование «существующего строя», т.е. негласных предписаний и ограничений свободы творчества. Иными словами, свобода творчества возможна в советской стране, если действовать так, будто это совсем другая страна. Доказательством этого утверждения служит советский художественный андеграунд, очерчивающий пространство «другой страны», где нет ограничений в формах, языках и темах. В то же время сама советская действительность становится объектом пристального внимания и описания, но уже на принципиально ином, чем предписывается официозом, языке. Советская повседневность, не имеющая доступа на праздничные полотна соцреализма, выступает «шокирующей фактурой барака» на картинах Лианозовской школы. Экзистенциальная пустота как «нулевой денотат» соцреалистического текста начинает открыто «зиять» в поэзии соцарта.

Подобная же игра в «несуществующее», характерная, по Баткину, для культуры порождающего типа, является конститутивным принципом советского правозащитного движения, которое, по-видимому, можно определить как проекцию моделей и практик «диссидентства от культуры» в социально-правовую область. Все известные определения правозащитной деятельности - высказывание А. Амальрика («Инакомыслящие сделали гениально простую вещь - в несвободной стране стали вести себя, как свободные люди» [2, с. 76]), уже приводимая фраза В. Буковского (о шизофрениках), определение, данное А. Сахаровым (осуществление прав и свобод «явочным порядком») - раскрывают сущность диссидентства как поступка отрицания наличного бытия и моделирования ситуации возможно-невозможного. Если в пределах текста о советской реальности недопустима «антисоветская агитация» - раскрытие фактов нарушения прав человека в СССР, то правозащитники, подобно художникам Лианозовской школы, «случай» политических преследований - как неотъемлемую часть советской повседневности - скрупулезно протоколируют в «Хронике текущих событий». Если права и свободы личности прописаны в тексте советской конституции, но в советской реальности о

них не может быть и речи, то правозащитники в духе соц-арта выносят реальность за скобки и демонстрируют жизнь внутри и по законам текста конституции.

Таким образом, «советский диссидент» представляется нам комплексом смысловых конструктов и стратегий поведения, реализовавших попытку интеллигентской культуры выйти за пределы строго очерченного (властью) наличного бытия в пространство воображаемого диалога. Исходным пунктом данного процесса послужила, видимо, активизация в интеллектуальной среде интеллигентского мифа, возможно, одной из наиболее устойчивых «матриц идентичности» в истории модернизации русской культуры. Интеллигент - это извечный оппонент власти, в диалоге с ней апеллирующий к «высшей реальности» - к народу, к культуре, к общечеловеческим ценностям, к совести. Власть как оппонент, отрицающий самую возможность диалога, предстает в образе мифологического протагониста, наделенного хтоническими, звериными чертами, и коммуникация с ним следует механизму жертвы. Чтобы осветить конечный результат этого семиотического обмена, достаточно, как нам кажется, привести еще одно высказывание Л. М. Баткина о культуре порождающего типа: «Всюду она стремится нарушить стереотипность, законченность, равновесие, отменяет привычный порядок, словом, создает проблемы, а не решает их» [3, с. 334].

Список литературы

1. Алексеева Л. Н. История инакомыслия в СССР (новейший период) // Самиздат века. Минск - М.: Полифакт, 1997. С. 20-52.
2. Амальрик А. А. Записки диссидента. М.: СП «Слово», 1991. 432 с.
3. Баткин Л. М. Неуютность культуры // Самиздат века. Минск - М.: Полифакт, 1997. С. 334-338.
4. Буковский В. К. И возвращается ветер...: письма русского путешественника. М.: ИПФ «Оригинал», 1990. 464 с.
5. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Идеология бесструктурности: интеллигенция и конец советской эпохи // Знамя. 1994. № 2. С. 166-179.
6. Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений // Россия/Russia: сб. статей. М.: О.Т.И., 1998. Вып. 1 (9). Семидесятые как предмет истории русской культуры. С. 110-125.
7. Даниэль А. Ю. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 51-65.

SOVIET DISSIDENCE: ILLUSION OF COMMUNICATION WITH AUTHORITIES

Andrei Anatol'evich Ivanov, Ph. D. in Culturology
Department of Building and Architecture
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
larsandr@mail.ru

In the article human rights movement in the USSR is presented as the dialogue with the authorities in the situation when the opponent denies the possibility of dialogue itself. Dissident practice appearance is connected with the formation of intra-group "identity matrixes in Soviet intellectuals circles" providing distancing from the authorities and the semiotic exchange of "victims" as the means of communication with them. The identity of human rights activity principles with the principles of aesthetic dissent is demonstrated.

Key words and phrases: dissident; authorities; intellectuals; intra-group consolidation; human rights movement; artistic Underground.

УДК 32(091)

В статье анализируется распространение революционных экспроприаций в Российской империи начала XX века. Выявлены теоретические и практические причины использования этой формы социально-политической борьбы. Особое внимание уделяется последствиям распространения экспроприаторского движения.

Ключевые слова и фразы: экспроприация; террористическая деятельность; терроризм; Первая российская революция.

Олег Николаевич Квасов, к.и.н., доцент
Кафедра истории, политологии и культурологии
Воронежская государственная лесотехническая академия
kvasovoleg@yandex.ru

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ КАК ФОРМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

Экономическое развитие Российской империи начала XX века имело ряд глубоких противоречий. Дуализм особенно проявлялся в сопряженности высоких темпов индустриального развития некоторых отраслей с отсталым феодализмом других, в высокой капитализации производства и отсутствии упорядоченных трудовых